

УДК 101.1
ББК 87.00

ПРИНЦИП СОМНЕНИЯ В ЭТОСЕ НАУКИ РОБЕРТА МЕРТОНА

Омельченко Николай Викторович

Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии
Волгоградского государственного университета
nomelchenko1@yandex.ru, socphil@volsu.ru
Проспект Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация

Пашарина Екатерина Сергеевна

Аспирант кафедры философии
Волгоградского государственного университета
schakil1@rambler.ru, socphil@volsu.ru
Проспект Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье обсуждаются нормы этоса науки, амбивалентность ученых, ценность принципа сомнения в концепции Роберта Мертона. При этом авторы полагают, что ненаучный интерес (например, стремление к красоте теории или доказательства) объективно присутствует в процессе научного познания, а любовь как эвристический принцип может быть со временем включена в этос науки.

Ключевые слова: этос науки, амбивалентность ученых, сомнение, скептицизм, истина.

© Омельченко Н.В., Пашарина Е.С., 2013

В своей статье «Наука и технология при демократическом порядке» (1942) Роберт Мертон (1910–2003) вводит понятие этоса науки. Последнее означает «аффективно окрашенный комплекс ценностей и норм, считающийся обязательным для человека науки. Нормы выражаются в форме предписаний, запрещений, предпочтений и разрешений. Они легитимируются в терминах институциональных ценностей» [5, с. 769].

Автор исходит из того, что нормы, ценности науки как социального института

обусловлены, главным образом, двумя факторами: спецификой научного знания и его методов («технические нормы» в его терминологии), а также целями и социальными функциями науки. Институциональные императивы выводятся из цели и методов. Целостная структура технических и моральных норм обеспечивает реализацию конечной цели. Техническая норма эмпирической очевидности, адекватная и надежная, является предпосылкой для точного предсказания; техническая норма логической последовательности – так-

же есть основание для значимого предсказания. «Нравы науки имеют методологическое рациональное оправдание, однако обязывающими они являются не только в силу своей процедурной эффективности, но и потому что считаются правильными и хорошими. Они в такой же степени моральные, в какой и технические предписания» [5, с. 770].

Иными словами, под этосом науки понимается совокупность институциональных императивов: коммунизм (communism), универсализм (universalism), незаинтересованность (disinterestedness) и организованный скептицизм (organized skepticism). Эту систему норм стали называть CUDOS, по первой букве каждой нормы. В 1950-е гг., чтобы избежать обвинений в симпатии к коммунизму, название нормы «коммунизм» было изменено сторонниками Мертона на «коммунализм».

Нормы этоса науки

Остановимся на этих ценностях и нормах более подробно. Первое требование «коммунизм» означает, что результаты науки являются достоянием общества. Они не должны скрываться от других ученых, так как последние должны себя осознавать людьми, которые вносят вклад в научное сообщество. Мертон считает, что знание производится сообществом, поскольку отдельный ученый зависит от наследия последнего. Другими словами, речь идет о специфической черте, связанной с проблемой всеобщности научного знания. В своей работе Мертон пишет о конфликте между нормой коммунизма и частной ответственностью, современные работы о «фрустрации науки» отражают этот конфликт. Патенты провозглашают исключительное право использования, а часто и неиспользования. Утаивание изобретения отрицательно влияет на рациональность производства и распространение научных знаний [там же, с. 777].

Универсализм представляет собой норму, согласно которой научный результат не должен зависеть, например, от расовой или этнической принадлежности ученого, его пола, от научной школы, к которой он себя относит, и т. д. В науке учитываются только рационально-логические и экспериментально доказанные доводы. По мнению Н.В. Де-

миной, оценка научного результата должна основываться всецело на внеперсональном уровне [3, с. 148]. В наибольшей степени принципу универсализма отвечает демократический порядок: «...этос демократии, как бы неадекватно ни воплощался он на практике, включает в себя универсализм как главный направляющий принцип» [5, с. 774].

«Незаинтересованность» у Мертона предполагает, что на результаты исследования не должны влиять ненаучные интересы (религиозного, политического, экономического или иного характера). Иными словами, речь идет о независимости истинности или ложности научных суждений от соображений пользы или вреда, которые они могут принести человеку. Этот принцип требует гласности и открытости научной коммуникации, того, что любой значимый продукт совокупного научного текста должен быть опубликован, доступен для читателя и открыт для обсуждения [4, с. 127–128].

На наш взгляд, незаинтересованность научного исследования и исследователя по-прежнему заслуживает внимания. Однако при этом следует иметь в виду, что ненаучные интересы оказывают достаточно серьезное влияние на науку. К тому же хочется верить, что принцип независимости истинности или ложности научных суждений от соображений последующей их пользы или вреда для человека потеряет свою актуальность и со временем окажется в историческом музее.

Сегодня становится все более очевидным, что истина манифестирует себя в том числе во «вненаучных» феноменах. Например, физик Вернер Гейзенберг [1, с. 49] полагал, что «красота природы отражается также и в красоте естественных наук». Следовательно, стремление к красоте, например, в построении доказательства или научной теории связано с «ненаучным интересом» и представляет собой, пусть неосознанное, стремление ученого к истине.

Восхитительны слова Плотина: «Красота – это то, что проглядывает сквозь материальное явление как вечный признак “чего-то неповторимого”». Однако Гейзенберг предпочитает определение красоты через гармонию: различные части целого хорошо подходят и к самому целому и друг к другу. Физик полага-

ет, что именно данное определение, более трезвое и рассудочное, «явно реализуется в науках естественных» [1, с. 60]. В этой связи ученый ссылается на Пифагора, который в математической структуре увидел первопричину гармонии. Математические образы проверяются «не только по корректности описания эксперимента, но также, что более специфично, по их простоте и красоте. Именно эти критерии говорят о близости математических образов к истинным Идеям, лежащим в основе естественных законов природы» [там же, с. 53].

Латинское изречение «*Pulchritudo splendor veritatis*» («Красота – это блеск истины») Гейзенберг интерпретирует в том смысле, что исследователь сначала распознает истину именно по этому блеску, как бы по предупреждающему сиянию [там же, с. 54]. Далее он ставит интереснейший вопрос: что же это за «предупреждающее сияние»? Как же случается так, что с помощью упомянутого сияния красоты – сияния упреждающего – удается распознать великую связь точной науки даже еще до детального понимания этой самой важнейшей связи и до появления реальной возможности рационально продемонстрировать эту связь? В чем именно состоит освещающая способность, мощь этого сияния и какое воздействие оно оказывает на столь успешный прогресс науки? [там же, с. 55].

Для ответа на поставленный вопрос физик ссылается на Иоганна Кеплера (1571–1630): «...Все чистые Идеи и оригиналы, прототипы гармонии, о которых идет речь, являются внутренне присущими тем людям, кто вообще способен постичь такую гармонию». Ученый разделяет мнение Кеплера о возможности, уже найденной в животном и растительном царствах, – «наследовать прототипы гармонии, которые как раз и приводят к распознаванию форм» [там же, с. 57].

В свою очередь мы считаем, что если доверять принципу «подобное познается подобным», то оказывается, что человек, способный чувствовать, воспринимать и видеть красоту, получает дополнительный инструмент для открытия истины, вспомогательный прием для улавливания истины, еще один путь к открываниям бытия ведь красота – есть «вечный признак чего-то неповторимого». Таким образом, рациональная наука объективно включает в

себя иррациональные, ненаучные компоненты, например, красоту как блеск истины.

Организованный скептицизм, или принцип сомнения

Последней нормой в своем этосе науки Роберт Мертон считает организованный скептицизм, согласно которому исследователи должны быть критическими по отношению к работе других и своей собственной. При рассмотрении данной нормы повторяется то, о чем говорили Бэкон и Декарт, призывая «очиститься от призраков» и осуществить «методическое сомнение». Скептицизм требует подвергнуть сомнению все научные результаты, вынесенные на публику. Ученый всегда остается жестким критиком себя самого и должен следовать главному принципу науки «подвергай все сомнению». «Научный исследователь не признает никакой пропасти между сакральным и профанным, между тем, что требует не критического прочтения, и тем, что можно объективно проанализировать» [5, с. 781].

Согласно Мертону, в этом, по-видимому, и кроется источник бунтов против так называемого вторжения науки в иные сферы. Такое сопротивление со стороны организованной религии стало теперь менее значимым по сравнению с сопротивлением экономических и политических групп. Это противостояние может существовать совершенно независимо от внедрения конкретных научных открытий, которые кажутся обесценивающими партикулярные догмы церкви, экономики и государства. Скорее всего, оно вызывается рассеянным, зачастую неясным пониманием того, что скептицизм угрожает текущему распределению власти. В тоталитарном обществе и антирационализм и централизация институционального контроля служат ограничению поля научной деятельности [там же, с. 781].

Организованный скептицизм Р. Мертона, в частности, предполагает, что ученые следуют нормам этоса, так как верят в существование истины, какой бы смысл ни вкладывался в этот термин. Вера ученого отличается от веры богослова, но у них есть общее: они верят в то, что истина – есть *цель* познания, существующая независимо от движения к ней. Следовательно, успешность познания измеря-

ется тем, приближает оно к этой цели либо не приближает. Поэтому функциональность институтов, предназначенных для осуществления познавательных процессов, зависит от того, что перевешивает: комфорт согласия ученых с мнениями научных авторитетов или степень приближения к истине, хотя бы это приближение и было для них сопряжено с трудностями и беспокойством [8, с. 108].

Организованный скептицизм – это одновременно и методологическое и институциональное требование. Как отмечает Е.З. Мирская [7, с. 127], сам Мертон рассматривал именно первый аспект – организованный скептицизм метода естественных наук, требующего по отношению к любому предмету детального объективного анализа и исключаящего возможность некритического принятия тех или иных утверждений, постулатов. Для науки нет ничего «святого», огражденного от критического анализа. В то же время норма организованного скептицизма является и директивным требованием по отношению к ученым. Она обязывает ученых постоянно уделять критическое внимание работам своих коллег. При этом норма скептицизма может быть соотнесена с нормой «незаинтересованности» или «бескорыстия». По Мертону [5, с. 780], «организованный скептицизм различными способами взаимосвязан с другими элементами научного этоса».

Очевидно, что Р. Мертон продолжает традицию Р. Декарта, в основе метода которого – *методическое сомнение* и принцип достоверности (очевидности). Напомним знаменитый фрагмент из его «Рассуждения о методе» (1637): «Но я тотчас обратил внимание на то, что в это самое время, когда я склонялся к мысли об иллюзорности всего на свете, было необходимо, чтобы я сам, таким образом рассуждающий, действительно существовал. И заметив, что истина *Я мыслю, следовательно, я существую* столь тверда и верна, что самые сумасбродные предположения скептиков не могут ее поколебать, я заключил, что могу без опасений принять ее за первый принцип искомой мною философии» [2, с. 268–269].

Далее Рене Декарт пояснял: «Внимательно исследуя, что такое я сам, я мог вообразить себе, что у меня нет тела, что нет ни мира, ни

места, где я находился бы, но я никак не мог представить себе, что вследствие этого я не существую; напротив, из того, что я сомневался в истине других предметов, ясно и несомненно следовало, что я существую». Отсюда главное правило Декарта [2, с. 269]: все представляемое нами вполне ясно и отчетливо – истинно. Иначе говоря, философ рекомендовал никогда не принимать за истинное ничего, что не признали бы таковым с очевидностью, то есть тщательно избегать поспешности и предубеждения и включать в свои суждения только то, что никоим образом не сможет дать повод к сомнению [там же, с. 260].

Сегодня трудно переоценить значение принципа сомнения для установления истины. Правда, в постмодернистской ситуации даже простая апелляция к необходимости сомнения выглядит почти экзотически. Вместе с тем самоуверенные декларации лишь напоминают об «абсолютных» истинах софистов. Поэтому философии вновь и вновь приходится поддерживать методическое сомнение как незаменимый инструмент поиска истины.

В 1952 г. вышла книга Б. Барбера «Наука и социальный порядок» с предисловием Р. Мертона. Предложенные Барбером в книге нормы науки уточняли и развивали мертоновские с заменой «организованного скептицизма» на «индивидуализм» и добавлением двух новых императивов: *рациональность* (вера в ее моральную добродетель) и *эмоциональная нейтральность* (см.: [4, с. 128]). Сегодня эти нормы по-прежнему на почетном месте в этосе науки. Однако мы верим, что придет время, когда и эти нормы подвергнутся сомнению, в частности, по следующему основанию.

Любовь как эвристический принцип

В истории философии неоднократно встречается мысль о том, что любовь («сердце») прокладывает разуму дорогу к вещам и людям. Так, известно изречение Августина: «Мы познаем в той мере, в какой любим». А у Шеллинга находим мнение Секста об Эмпедокле: «...философ претендует на подобное (божественное) познание потому, что только он один, сохраняя рассудок чистым и не затронутым злобой, постигает вместе с Богом в

самом себе и Бога вне себя». По словам Шеллинга [12, с. 89], «тем, кто чужд науке, свойственно понимать ее как некое совершенно отвлеченное и безжизненное знание, подобное обычной геометрии».

Таким образом, истинное познание возможно «с Богом в самом себе», а это внутреннее состояние, в свою очередь, возможно благодаря чистому и доброму разуму. Иначе говоря, внутри человека должно присутствовать собственное бесконечное духовное бытие, а оно появляется, когда нет злобы.

Другими словами, любовь к познанию есть дополнительное условие эвристического успеха. Символичность термина «философия»: чтобы узнать истину, нужно полюбить мудрость, знание не формально, а реально. Философия как любовь к мудрости – есть сама по себе мудрость в том смысле, что понимает, что она не является неким вместилищем *veritas rerum*, но есть только искренняя любовь к истине бытия. Очевидно, и мудрость можно созерцать лишь в том случае, если неподдельно любить ее. Одним словом, философия как любовь к мудрости учит любви, в том числе к самой себе. По всей видимости, и *любовь к философии* – есть неперемное условие ее понимания.

Согласно Фромму, «переживание любви делает излишними иллюзии». Человеку больше не нужно преувеличивать образ другого или представление о самом себе. Любовь является одним из моментов продуктивной ориентации, которая в области мышления выражается «в правильном постижении мира посредством разума» [9, с. 452, 453, 454]. Психоаналитик отмечает, что идентичность слов «любить» и «познавать» видна в древнееврейском *jadaa* и в немецких словах *meinen* и *minnen*. Иными словами, *любви открывается истина*.

По всей видимости, именно любовь сопровождает самые глубокие откровения бытия. Для своих откровений бытие выдвигает неперемное условие – любовь познающего субъекта. Тем самым бытие как бы напоминает о своем *ordo amoris* (Шелер), о своем объективном порядке любви. Именно разум, проникнутый любовью, способен к открытию сущности бытия. Следовательно, чтобы увидеть истину, разум должен с любовью рассматривать окружающий мир.

Согласно Шелеру [11, с. 352], «любовь всегда пробуждает к познанию и волеию, более того, любовь – мать самого духа и разума». Прежде всего человек – есть *ens amans*, существо любящее. Можно сказать: *любовь вразумляет*, делает человека умнее, мудрее, прозорливее. Можно согласиться с философом, когда он пишет, что именно ценностно-сущностный мир человека «устанавливает пределы и определяет доступное его познанию бытие и, словно остров, поднимает его из мира бытия». Чем пленилась душа человека, там всякий раз и оказывается для него «сердцевина» сущности вещей [там же, с. 353].

Для Шелера душа (сердце) – есть микрокосм мира ценностей. У сердца в его собственной сфере имеется строгий аналог логики, отнюдь не заимствуемый им из логики рассудка. В сердце вписаны законы, соответствующие плану, по которому действительность выстроена как ценностный мир. Оно способно любить и ненавидеть слепо и разумно – так же, как слепо и разумно мы можем судить о чем-либо. Душа имеет свой порядок, свою математику, свою логику, которая столь же строга, столь же объективна и непреложна, как правила и выводы дедуктивной логики [там же, с. 358–359].

Философ полемизирует с той широко распространенной позицией, которая отказывает чувствам в какой бы то ни было связи с постижением предметов. Все, что в делах эстетических касается «вкуса», все, что как-то связано с ценностными суждениями, – все это считают «субъективным». Возврат к этим силам духа считается «ненаучным», и потому фетишисты современной науки расценивают это тоже как недостаток «объективности». Например, в художественной и эстетической сфере преобладает именно такое воззрение: прекрасное и безобразное, художественно ценное и ценности не представляющее – это «дело вкуса» каждого человека. Юристы и экономисты пытаются избегать «оценочных суждений», являющихся якобы по своей природе ненаучными.

Известный отечественный социолог Ф.И. Минюшев [6, с. 8] отмечает, что максимальная «бессердечность» категорий науки – таково аксиоматическое требование естественных наук. Позитивистская социология

также требует этого, ибо в основе математизации, акцента на эмпирические показатели количественного характера в исследованиях социальных явлений лежит аксиологическая нейтральность применяемых методов и позиций исследователей, истолковывающих те или иные данные. Именно этот критерий считается, по мнению многих, показателем научности исследования. Ибо другое ведет якобы к произволу исследователя, снижает «резвость» анализа социальных явлений.

По Шелеру, если философия отрицает притязание на трансценденцию, свойственное и всем не-логическим актам или же допускает такое притязание, помимо актов мышления, лишь для тех актов чувственного познания, которые в сфере теории доставляют нам материал для мышления, то «она приговаривает себя самое к слепоте по отношению к целым царствам реальных связей, доступ к которым сущностно не сопряжен с рассудочными актами духа; она подобна тому человеку, который, имея здоровые глаза, закрыл бы их и вознамерился воспринимать цвета лишь ушами или носом!» [11, с. 364]. На наш взгляд, философии и науке следует прислушаться к этим словам.

Не разумом единым жив человек, он познает всем своим существом. В конечном счете можно прийти к парадоксальному (правда, на первый взгляд) выводу: успех рационального познания требует иррациональности, или особого *методического настроения*. Так, по мнению Хайдеггера, только иррациональное настроение (например, радость от близости любимого человека) позволяет «ощутить себя посреди сущего в целом», то есть высокое качество собственного существования. Подобное настроение для философа – есть «фундаментальное событие нашего бытия». В этой связи он спрашивает: «Бывает ли в нашем бытии такая настроенность, которая способна приблизить его к самому Ничто?». И отвечает: «это может происходить и действительно происходит – хотя достаточно редко, только на мгновения, – в фундаментальном настроении ужаса» [10, с. 20].

Таким образом, если по Хайдеггеру, ужас приоткрывает Ничто, то, по нашему убеждению, любовь как альтернативное *иррациональное* настроение открывает человеку бы-

тие, жизнь и ее ценности. Эпистемология и наука будущего потребуют фундаментального настроения любви.

Амбивалентность ученых

Многие исследователи считали, что для Мертона свойственна идеализация прошлого. В противовес этому он вводит понятие амбивалентности ученых, то есть расхождения между реальным поведением ученых и нормами этоса науки. «Внимательное рассмотрение поведения ученых должно включать в себя анализ того, как в каждом социальном институте развиваются потенциально противоречивые нормы; как конфликтующие нормы образуют значимую амбивалентность в профессиональной жизни ученых и как эта амбивалентность влияет на реальные, – в отличие от предполагаемых, – отношения между людьми науки» (цит. по: [4, с. 129]).

Р. Мертоном были сформулированы девять амбивалентных норм, свидетельствующих о понимании им конфликтности между идеальными нормами и реальным поведением ученых:

1) ученый должен передавать как можно быстрее свои научные результаты коллегам, но не должен торопиться с публикациями;

2) ученый должен быть восприимчив к новым идеям, но не должен следовать интеллектуальной моде;

3) ученый должен стремиться к высокой оценке коллег, но вместе с тем должен работать безотносительно к оценкам других ученых;

4) ученый должен защищать новые идеи, но не должен поддерживать опрометчивые заключения;

5) ученый должен быть в курсе всех новинок в его области, но при этом помнить, что эрудиция иногда тормозит творчество;

6) ученый должен быть точным в формулировках, но не становиться педантом;

7) ученый должен помнить об универсальности знания, но не должен забывать, что научное открытие делает честь нации, представителем которой оно совершено;

8) ученый должен воспитывать новое поколение исследователей, но не должен отдавать обучению молодежи много времени и внимания;

9) ученый должен учиться у крупного мастера, но не должен походить на него (см.: [7, с. 129; 4, с. 129]).

По Мертону, этос науки – есть комплекс ценностей и норм, которые удерживаются и становятся обязательными для человека науки. Нормы выражаются в форме предписаний, осуждений, предпочтений и разрешений. Они узакониваются в терминах институциональных ценностей. Эти императивы, передаваемые через предписание и пример и усиливаемые санкциями, в разной степени усваиваются, интернализируются учеными. «Хотя этос науки не кодифицирован, его можно вывести из того морального консенсуса ученых, который находит выражение в обычной научной практике, в бесчисленных произведениях научного духа и в моральном негодовании, направленном на нарушения этоса» [5, с. 769].

По мнению Е.З. Мирской [7, с. 129–130], этос науки Р. Мертона представляет собой не практику современной или прошлой науки, не повседневные нравы, а «этическое должное» в науке, нравственный фактор в научных исследованиях. Мертон сознавал постоянную дилемму нравственного выбора ученых-естествоиспытателей. Поведение каждого ученого в любой ситуации определяется личным опытом, научной и социальной интуицией, а также сомнением. Механизмом функционирования науки являются нормы, действующие в научном сообществе, которые регулируют деятельность ученых.

Время от времени мертоновская концепция подвергается критике. Некоторые авторы предложили систему антинорм в противовес нормам Р. Мертона. Например, И. Митрофф [14] опубликовал данные, полученные при изучении действий группы ученых-селенологов и свидетельствующие, по его мнению, о том, что этос успешного научного коллектива прямо противоположен тому, какой Мертон считал свойственным науке как таковой: вместо «универсализма» – «партикуляризм», вместо «бескорыстности» – «скарденность», вместо «организованного скептицизма» – «организованный догматизм» и т. п. (см.: [8, с. 112]).

Свою версию предложил Стив Фуллер [13], противопоставляя нормы этоса науки Мертона «культурному империализму», то есть доминированию англо-американских жур-

налов; «мафиозности» как хорошему отношению с «боссами в науке», дающих разрешение на публикацию; «оппортунизму», то есть отсутствию интереса к использованию результатов своего исследования; «коллективной безответственности», которая выражается в безразличии к возможным потрясениям в обществе, вызванным исследованиями ученых (см. [4, с. 133–134]).

Среди авторов, исследующих концепцию Мертона, особый интерес может представлять позиция американского физика и науковеда Джона Зимана [15]. Он считает, что в 1960-х гг. в мире наблюдался переход от «малой науки» к «большой науке», который сопровождался ростом сотрудничества ученых с властями, вытеснением традиционного академического сообщества постакадемическим сообществом. Последнее отличается коллективным характером, командным типом организации науки. Конкуренция повлекла за собой оценку исследований на научную перспективность, на первом месте стоят проблемы, предложенные государством или бизнесом. Следовательно, наука все больше превращается в рынок исследовательских услуг.

Дж. Зиман в противовес Р. Мертону предлагает неозтос науки, то есть нормы, которые учитывают реалии современного этапа развития науки. Так, он рассуждает, что на науку распространяется право собственности, патента взамен всеобщего владения научным знанием; исследовательская работа решает конкретные задачи, определенные авторитарным начальством; научно-исследовательская работа делается на заказ, а не ради «чистой науки»; научная работа осуществляется ограниченным кругом экспертов. Очевидно, что в указанных императивах отражены нормы современной науки, которые не являются ориентирами для всех ученых. Мертон же выделял этос науки для всех ученых (см. [4, с. 134]).

Таким образом, этос науки в концепции Р. Мертона определяется как совокупность ценностных ориентиров в деятельности ученых. Его можно обвинить в идеализме, но сам ученый рассматривал реальное поведение людей науки и видел социальную амбивалентность норм. Однако, пожалуй, только принцип сомнения по-прежнему остается незаменимым инструментом установления истины.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гейзенберг, В. Смысл и значение красоты в точных науках / В. Гейзенберг // Вопросы философии. – 1979. – № 12. – С. 49–60.
2. Декарт, Р. Рассуждение о методе / Р. Декарт // Сочинения в 2 т. : пер. с лат. и франц. Т. 1 / сост., ред., вступ. ст. В. В. Соколова. – М. : Мысль, 1989. – С. 250–296.
3. Демина, Н. В. Мертоновская концепция этоса науки: в поисках социальной геометрии норм // Этос науки / Н. В. Демина ; отв. ред. Л. П. Киященко, Е. З. Мирская. – М. : Academia, 2008. – С. 144–165.
4. Лазар, М. Г. Этос науки в социологии Р. Мертона: судьба и статус в науковедении / М. Г. Лазар // Социология науки и технологий. – 2010. – Т. 1, № 4. – С. 124–139.
5. Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. – М. : АСТ : АСТ Москва : ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 873 с.
6. Минюшев, Ф. И. Социальная антропология (курс лекций) / Ф. И. Минюшев. – М. : Международный университет бизнеса и управления, 1997. – 192 с.
7. Мирская, Е. З. Этос науки: идеальные регулятивы и повседневные реалии / Е. З. Мирская // Этос науки / отв. ред. Л. П. Киященко, Е. З. Мирская. – М. : Academia, 2008. – С. 108–143.

8. Порус, В. Н. На Мосту Интерпретаций: Р. Мертон и социальная эпистемология / В. Н. Порус // Социология науки и технологий. – 2010. – Т. 1, № 4. – С. 104–116.
9. Фромм, Э. Пути из большого общества // Проблема человека в западной философии / Э. Фромм ; сост. и послесл. П. С. Гуревича ; общ. ред. Ю. Н. Попова. – М. : Прогресс, 1988. – С. 443–482.
10. Хайдеггер, М. Что такое метафизика? / М. Хайдеггер // Время и бытие: Статьи и выступления : пер. с нем. – М. : Республика, 1993. – С. 16–27.
11. Шелер, М. Ordo amoris / М. Шеллер // Избранные произведения : пер. с нем. / пер. А. В. Денежкина, А. Н. Малинкина, А. Ф. Филлипова ; под ред. А. В. Денежкина. – М. : Гнозис, 1994. – С. 339–377.
12. Шеллинг, Ф. В. Й. Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах / Ф. В. Й. Шеллинг // Сочинения. В 2 т. Т. 2. – М. : Мысль, 1989. – С. 86–158.
13. Fuller, S. Science (Art of Living) / S. Fuller. – Buckingham : Open University Press and University of Minnesota Press, 1997. – 160 p.
14. Mitroff, I. Norms and Counter-Norms in a Select Group of the Apollo Moon Scientists: a Case-Study of the Ambivalence of Scientists / I. Mitroff // American Sociological Review. – 1974. – Vol. 39, No. 4. – P. 579–595.
15. Ziman, J. Real Science: What It Is, and What It Means / J. Ziman. – Cambridge : Cambridge University Press, 2000. – 399 p.

THE PRINCIPLE OF DOUBT
IN ROBERT MERTON'S ETHOS OF SCIENCE

Omelchenko Nikolay Viktorovich

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Philosophy,
Volgograd State University
nomelchenko1@yandex.ru, socphil@volsu.ru
Prospect Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Pasharina Ekaterina Sergeevna

Postgraduate Student, Department of Philosophy,
Volgograd State University
schaki1@rambler.ru, socphil@volsu.ru
Prospect Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. In their paper, Nikolay Omelchenko and Ekaterina Pasharina discuss the norms of the ethos of science, ambivalence of scholars, the principle of doubt in the conception of Robert Merton. By this, they believe that an unscientific interest (for example, aspiration for beauty in proof or theory) is objectively present in the process of scientific cognition, and love as a heuristic principle can be eventually included into the ethos of science.

Key words: ethos of science, ambivalence of scholars, doubt, scepticism, truth.